

Классика
в школе и дома

Глава I,
В КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ
С «ГУМАННЫМ» ЧЕЛОВЕКОМ

Однажды холодным февральским днем двое джентльменов сидели за бутылкой вина в богато убранной столовой в городе П. штата Кентукки. Прислуги в комнате не было, и они, близко придвинувшись друг к другу, по-видимому, обсуждали какое-то очень важное дело.

Удобства ради мы назвали их обоих джентльменами. Однако, строго говоря, один из них, если отнестись к нему критически, не совсем подходил под это определение. Он был невысокого роста, плотный, с грубыми чертами лица, и его развязный тон выдавал в нем человека низкого звания, который старается во что бы то ни стало пролезть в высшие круги общества. Одет он был крикливо. Пестрый жилет и лихо завязанный синий шейный платок в веселенькую желтую крапинку как нельзя более соответствовали его общему облику. Пальцы его — толстые, заскорузлые — были унизаны перстнями, на массивной золотой цепочке от часов висела целая связка больших разноцветных брелоков, которыми он в пылу беседы самодовольно поигрывал и брэнчал.

Речь этого человека находилась в полном противоречии с «Грамматикой» Маррея и была уснащена

такими грубыми словечками, что, несмотря на все наше стремление к точности, мы не будем приводить их здесь.

Его собеседник, мистер Шелби, производил впечатление истинного джентльмена, а убранство и весь тон дома свидетельствовали о том, что хозяйева его не только не стесняются в средствах, но живут на широкую ногу. Как мы уже упомянули, мужчины, сидевшие за столом, были заняты серьезным разговором.

— Мне бы хотелось уладить наше дело именно так, — сказал мистер Шелби.

— Нет, я вижу, мы с вами никогда не сторгуемся! Не могу, мистер Шелби, решительно не могу, — сказал его гость, поднимая рюмку с коньяком на свет.

— Позвольте, Гейли! Том стоит таких денег. Это незаурядный негр: надежный, честный, смывленный. Под его присмотром хозяйство у меня идет как часы.

— Честный, да честность-то негритянская! — усмехнулся Гейли, подливая себе коньяку.

— Нет! Честный без всяких оговорок. Том добрый, разумный, набожный негр. Его религиозность неподдельная. Он был принят в лоно церкви четыре года назад, и с тех пор я доверяю ему все: деньги, дом, лошадей. Он у меня повсюду разъезжает один, и мне еще никогда не приходилось сомневаться в его порядочности и преданности.

— Многие толкуют, будто набожных негров во все не бывает на свете, а на мой взгляд, это неверно, — доверительным тоном сказал Гейли и широко повел рукой. — В последней партии, которую я отвез в Орлеан нынешний год, был один негр. Вот

гимны распевал — просто заслушаешься! Как на молитвенном собрании! И такой покладистый, тихий... Я на нем неплохо заработал. Купил его по дешевке у одного человека, которому волей-неволей пришлось спускать все свое добро, и чистой прибыли у меня оказалось шестьсот долларов. Да что и говорить! Набожность, если только эти настоящий товар, — вещь ценная в негре.

— Можете быть уверены, что у Тома это настоящий товар, — сказал мистер Шелби. — Да вот, посудите сами. Прошлой осенью я послал его в Цинциннати по одному делу. Он должен был доставить мне оттуда пятьсот долларов. Говорю ему: «Том! Доверяю тебе, как христианину. Я знаю, что ты не обманешь своего хозяина». И он вернулся домой, в чем я ни минуты не сомневался. Нашлись низкие люди, которые подговаривали его: «Том, бежал бы ты в Канаду!» — «Нет, не могу, — ответил Том, — хозяин мне верит». Я только потом об этом узнал. Откровенно говоря, мне очень жаль расставаться с Томом. Он должен пойти в уплату всего моего долга, и вы так бы и посчитали, Гейли, будь в вас хоть капля совести.

— Совести во мне столько, сколько полагается нашему брату коммерсанту, то есть самая малость — только для божбы, — отшутился Гейли. — А друзьям я всегда готов услужить чем могу. Но вы слишком уж многого от меня захотели... слишком многого! — Он сокрушенно вздохнул и снова подлил себе коньяку.

— Так что же вы предлагаете? — спросил мистер Шелби после неловкого молчания.

— А не найдется ли у вас какого-нибудь мальчишки или девчонки в придачу к Тому?

— Гм!.. Нет, лишних не найдется. И вообще только крайняя необходимость вынуждает меня на такую сделку. Мне очень неприятно продавать своих негров.

В эту минуту дверь отворилась, и в столовую вошел очаровательный мальчик-квартерон¹ лет четырех-пяти. Во всем его облике было что-то необычайно милое. Тонкие черные волосы обрамляли шелковистыми локонами круглое, в ямочках лицо; большие, полные огня, темные глаза с любопытством посматривали по сторонам из-под пушистых длинных ресниц. Нарядное, ладно сидевшее на нем платье из красно-желтой шотландки выгодно подчеркивало его яркую внешность, а забавная уверенность манер, сквозь которую все же пробивалась робость, свидетельствовала о том, что он привык ко всеобщему вниманию и баловству.

— Эй ты, черномазый! — сказал мистер Шелби и, свистнув, бросил мальчику веточку изюма. — Лови!

Мальчуган со всех ног кинулся за подачкой под громкий смех своего хозяина.

— Поди сюда, черномазый, — скомандовал мистер Шелби.

Мальчик подбежал на зов, и хозяин погладил его по кудрявой голове и пощекотал ему подбородок.

— Ну-ка, покажи джентльмену, как ты умеешь петь и плясать.

Мальчик затынул звучным, чистым голосом капризную негритянскую мелодию, сопровождая ее

---

¹ Квартерон (от латинского «кварта» — четверть) — человек по деду или бабушке негритянского происхождения.

забавными и очень ритмичными движениями рук, ног и всего тела.

— Bravo! — крикнул Гейли, бросая ему дольку апельсина.

— А теперь покажи, как ходит дядюшка Каджо, когда у него разыграется ревматизм, — сказал мистер Шелби.

Гибкое тело мальчика мгновенно преобразилось: он сгорбился, скорчил унылую гримасу и, схватив хозяйскую трость, по-стариковски заковылял из угла в угол, то и дело сплевывая направо и налево.

Оба джентльмена громко рассмеялись.

— А теперь, черномазый, представь дедушку Элдера Робинса. Ну, как он поет псалмы?

Пухлая мордочка малыша вытянулась, и он с необычайной серьезностью затянул гнусавым голосом молитвенную мелодию.

— Bravo, bravo! Ну и молодец! — воскликнул Гейли. — Этот мальчишка далеко пойдет! А знаете что, — он вдруг хлопнул мистера Шелби по плечу, — подбросьте его мне в придачу к Тому — и дело с концом! Тогда все будет по справедливости.

При этих словах дверь бесшумно отворилась, и в комнату вошла молодая — лет двадцати пяти — квартиронка.

Достаточно было перевести взгляд с этой женщины на мальчика, чтобы признать в ней его мать. Те же большие темные глаза с длинными ресницами, тот же волнистый шелк черных кудрей. Румянец, проступавший на смуглом лице квартиронки, вспыхнул еще ярче, когда она увидела, с каким откровенным восхищением смотрит на нее незнакомец. Платье сидело на ней в обтяжку, выгодно

подчеркивая изящество фигуры. Нежные руки и маленькие, узкие ступни тоже не укрылись от наметанного глаза работорговца, привыкшего сразу разбираться в тех или иных качествах женского товара.

— Ты что, Элиза? — спросил хозяин, когда она остановилась и нерешительно взглянула на него.

— Простите, сэр, я ищу Гарри.

Мальчик подбежал к матери, показывая ей свою добычу, собранную в подол платья.

— Вот он, можешь увести его отсюда, — сказал мистер Шелби.

Она подхватила ребенка на руки и быстро вышла из комнаты.

— Черт возьми! — воскликнул работорговец, поворачиваясь к мистеру Шелби. — Да на такой красавице в Орлеане можно нажить целое состояние! У меня на глазах по тысяче долларов платили за женщин, которые были ничуть не лучше вашей.

— Я не собираюсь наживать состояние на Элизе, — сухо сказал мистер Шелби и, чтобы переменить тему разговора, откупорил новую бутылку вина и спросил собеседника, как оно ему нравится.

— Отменное, сэр! Первый сорт! — ответил работорговец, потом снова фамильярно похлопал мистера Шелби по плечу и добавил: — Ну, сколько вы хотите за эту красотку? Сторгуемся? Какая ваша цена?

— Она не продается, мистер Гейли, — сказал Шелби. — Оцените ее хоть на вес золота, моя жена все равно с ней не расстанется.

— Э-э, женщины всегда так говорят, потому что не знают цены золоту! А покажите им, сколько можно купить на такие деньги часиков, страусовых пе-

рьев и всяких там безделушек, и они сразу пойдут на попятный.

— Об этом даже и говорить не стоит, Гейли. Я сказал нет, значит, нет, — твердо ответил Шелби.

— Ну, хоть мальчишку-то отдайте, — настаивал работороговец. — Сами видите, я за ценой не стою.

— Да зачем он вам понадобился? — воскликнул Шелби.

— А у меня есть один приятель, который занимается скупкой смазливых мальчишек. Подрастет такой красавчик, он его и продаст на рынке. Это, конечно, предмет роскоши, их больше берут в лакеи. Товар дорогой, только богачам по карману. Зато какое украшение для ваших хором, когда красивый лакей и дверь отворяет, и за столом прислуживает! На них можно хорошо заработать, а тот чертенок к тому же такой шустрый да голосистый — самый что ни на есть лучший товар.

— Мне бы не хотелось его продавать, — задумчиво проговорил мистер Шелби. — Дело в том, сэр, что, будучи человеком гуманным, я не могу отнять ребенка у матери, сэр.

— Вот оно что! Да, я вас понимаю. С женщинами иной раз лучше не связываться. Пойдут слезы, вопли — неприятно! Очень даже неприятно! Но у меня, сэр, дело поставлено так, что обходится без этого. Отправьте-ка вы ее куда-нибудь на денек, а то и на недельку, и все обойдется тихо, спокойно. Вернется домой, а дело уже сделано. Ваша супруга подарит ей сережки, или новое платье, или еще какую-нибудь мелочь, вот она и утешится.

— Вряд ли.

— Да будет вам! Не равняйте вы негров с белыми. Если правильно братья за дело, с них мигом все ска-

тывает. Некоторые говорят, — доверительно понизив голос, продолжал Гейли, — некоторые говорят, будто на нашей работе черствеешь душой. Что касается меня, так это неправда. Ведь многие что делают? Вырвут ребенка у матери из рук и выставляют его на продажу, а она тут же криком кричит. Я так не могу. Разве это дело? Одна порча товара. После этого некоторые женщины и работать не могут. Помню, была одна в Орлеане — писаная красавица, так ее просто загубили таким обращением. Покупатель брал только одну мать, без ребенка, а она горячая была, настоящий порох. Вцепилась в своего малыша, несет невесть что, бьется. Даже вспомнить страшно! В конце концов мальчишку отняли, а ее посадили под замок. Ну, тут она вовсе рехнулась, а через неделю померла. Тысяча долларов — брошенные деньги, а почему? Потому что не умеют обращаться с таким товаром. Нет, сэр, добром скорее возьмешь. Это я по собственному опыту знаю. — Работорговец откинулся на спинку стула и с добродетельным видом скрестил руки на груди — ни дать ни взять второй Уилберфорс.

Разговор этот, по-видимому, представлял для Гейли немалый интерес. Не дождавшись ответа от мистера Шелби, который в раздумье чистил апельсин, он заговорил снова, будто не в силах противостоять стремлению к истине, побуждавшему его добавить еще несколько слов.

— Расхваливать самого себя не годится, но что верно, то верно. Недаром про Гейли идет такая слава, будто у него что ни партия, то все негры как на подбор: сытые, гладкие, молодец к молодцу. И мрут меньше, чем у других. Вот что значит умело вести дела, сэр. У меня, сэр, все строится на гуманном обращении!

Мистер Шелби не нашелся, что ответить на это, и ограничился одним:

— Вот как?

— Меня, сэр, поднимали на смех, убеждали всячески. Что поделаешь, такие взгляды вещь редкая; но я, сэр, твердо их придерживаюсь, твердо, и, могу сказать, они еще ни разу меня не подвели. — И работорговец захохотал, весьма довольный собой.

Такое понимание принципов гуманности было настолько своеобразно и неожиданно, что мистер Шелби не мог не рассмеяться за компанию со своим гостем.

Может быть, вы тоже рассмеетесь, дорогой читатель? Но в наши дни, как вам известно, гуманность принимает самые разнообразные и весьма странные формы, а гуманные люди говорят и делают такое, что просто диву даешься.

Смех Шелби еще более подзадорил Гейли, и он продолжал:

— Странное дело! Сколько я ни пытался вдолбить это людям в голову, все попусту. Взять хотя бы моего прежнего компаньона, Тома Локкера из Натчеза. Ведь неглупый был, а с неграми — сущий дьявол! И все из принципа, потому что на самом-то деле Том добрейшей души человек. Но такая у него, видите ли, была система. Я, бывало, говорю ему: «Том! Если твои девчонки плачут-разливаются, какой смысл кричать на них и хлестать их бичом? Ничему это не поможет. Пусть, говорю, режут на здоровье. Природа! Тут уж ничего не поделаешь. Гони природу в дверь, она войдет в окно. Кроме того, побои им только во вред, — чахлые они от этого становятся, унылые какие-то и дурнеют очень, особенно мулатки. Ты бы лучше как-нибудь умаслил их,

поговорил с ними поласковой. Подпусти немножко гуманности — жалеть не будешь, помяни мое слово. Это куда лучше действует, чем ругань да колотушки, и со временем всегда окупается, верно тебе говорю». Да разве ему вдолбишь! Столько перепортил товара, что пришлось мне с ним расстаться. А жаль, добрейшей души был человек и в делах смыслил.

— Следовательно, вы полагаете, что ваш способ ведения дел имеет некоторые преимущества по сравнению со способом Тома? — спросил мистер Шелби.

— Смею так думать, сэръ. Была бы только возможность, а я всегда готов как-нибудь сгладить неприятные стороны нашего ремесла. Например, продажу ребят. Отправлю мать куда-нибудь, чтобы не мешала, — ведь вы сами знаете: с глаз долой, из сердца вон, — а когда дело сделано и назад его не повернешь, она волей-неволей свыкается. Ведь это не белые, которые сызмальства знают, что жена должна жить при муже, а дети — при родителях. Негр на это и не надеется — если, конечно, его правильно воспитать, — значит, он и разлуку переносит легче.

— В таком случае мои, вероятно, воспитаны неправильно, — сказал мистер Шелби.

— Может статься. У вас в Кентукки портят негров. Вы с ними по-доброму, а им эта доброта боком выходит. Сами посудите: какая у негра доля? Мыкаться по белу свету, переходить из рук в руки. А вы носите с ним, всячески его ублажаете. Глядишь, он и размечтался не по чину. Каково ему потом придется? Я даже так скажу: на тех плантациях, где другие негры горланят песни да гогочут, словно одержимые, ваши негры чахнут. Мы все, мистер Шелби, думаем каждый про себя, что

поступаем правильно, и, по-моему, я со своими неграми обращаюсь, как они того заслуживают.

— Завидная уверенность! — Мистер Шелби чуть заметно пожал плечами, явно испытывая чувство отвращения от таких разглагольствований.

— Ну-с, — спросил Гейли после долгой паузы, во время которой они оба щелкали орехи, — как же вы решите?

— Я подумаю и поговорю с женой, — ответил Шелби. — И вот вам мой совет, Гейли: если вы хотите уладить это дело по своему же способу, то есть как можно тише, никому ничего не рассказывайте. Не то слухи разойдутся повсюду, и тогда не оберешься хлопот. Увезти кого-нибудь из моих негров не так просто, как вам кажется.

— Ну, конечно! Молчок, молчок! Но мне все-таки хочется поскорее покончить с этим делом — уж очень я тороплюсь, — сказал Гейли, поднимаясь со стула и надевая пальто.

— Хорошо, зайдите сегодня вечером часов в шесть-семь, и я дам вам окончательный ответ.

Работорговец с поклоном вышел из комнаты.

— С каким удовольствием спустил бы я этого самоуверенного наглеца с лестницы! — пробормотал мистер Шелби, как только Гейли затворил за собой дверь. — Но он знает, что все преимущества на его стороне. Если бы мне кто сказал раньше, что я когда-нибудь продам Тома одному из этих гнусных работорговцев, я бы вспомнил: «Разве раб твой пес, чтобы ты мог сделать такое?» А теперь, видно, ничего другого не придумаешь. И мальчуган Элизы... Предвижу, какой у меня будет из-за него неприятный разговор с женой — из-за него и Тома. Н-да, вот что значит влезть в долги. Этот субъект

прекрасно знает, что я у него в руках, и не упустит случая прижать меня.

Самые мягкие формы рабства можно наблюдать, пожалуй, в штате Кентукки. Основное занятие там земледелие, а так как спокойный, размеренный ритм связанных с ним работ не требует лихорадочной спешки, которой часто бывают подвержены Южные штаты, то и труд негра в Кентукки зиждется на более естественной и здоровой основе. С другой стороны, и кентуккийские плантаторы, довольствующиеся постепенностью в делах благоприобретения, не знают соблазна стать на путь жестокостей, — соблазна, от которого трудно удержаться слабой человеческой натуре, когда возможность быстрого обогащения перевешивает другую чашу весов, где нет ничего, кроме интересов незащитных и бесправных рабов.

Те, кому приходилось посещать кентуккийские поместья и видеть благодушное отношение тамошних хозяев и хозяек к невольникам, а также горячую преданность некоторых невольников своим господам, может стать, поверят поэтической легенде о «патриархальном» укладе жизни в тех местах и тому подобным сказкам. Но на самом деле эти отношения омрачает зловещая тень — тень *закона*. Покуда в свете закона эти человеческие существа, наделенные сердцем и способностью чувствовать, не перестанут быть *вещами*, собственностью того или иного владельца, покуда разорение, какое-нибудь несчастье, промах в делах или смерть доброго хозяина будут обрекать их на горе и непосильный труд, до тех пор вы не найдете в рабстве, даже там, где оно обходится без жестокостей, ни одной хорошей, ни одной хоть сколько-нибудь привлекательной черты.

Мистер Шелби принадлежал к тому типу людей, каких немало на белом свете. Он был добродушен, мягок, снисходителен к окружающим, и его негры не могли пожаловаться на тяжелую жизнь. Однако за последнее время Шелби много и довольно безрассудно играл на бирже, наделал больших долгов, и теперь его векселя, выданные на довольно крупные суммы, попали в руки Гейли. Эта небольшая справка должна служить ключом к предыдущему разговору.

Что касается Элизы, то, подойдя к дверям столовой, она уловила несколько слов, из которых ей легко было заключить, что гость — работорговец и хочет купить кого-то у ее хозяина.

Выйдя в коридор, она хотела подслушать их дальнейшую беседу, но ей пришлось поспешить на зов хозяйки. И все же Элиза была почти уверена, что работорговец предложил мистеру Шелби продать ему ее сына. Неужели это ей только послышалось? Сердце замерло у нее в груди, потом бешено заколотилось, и она так крепко прижала к себе Гарри, что мальчик с удивлением посмотрел ей в лицо.

— Милочка, что с тобой сегодня? — спросила Элизу миссис Шелби, когда та опрокинула умывальный кувшин, уронила рабочую корзинку и, наконец, сама того не замечая, подала хозяйке длинную ночную сорочку вместо шелкового платья, которое ей было приказано достать из гардероба.

Элиза вздрогнула.

— О миссис! — проговорила она, подняв на хозяйку глаза, потом расплакалась и, всхлипывая, упала в кресло.

— Элиза, милая! Что случилось? — воскликнула миссис Шелби.

— О миссис, миссис! К хозяину пришел работорговец, они сидят в столовой и разговаривают. Я сама слышала.

— Вот дурочка! Ну и что же из этого?

— Миссис! Неужели хозяин продаст моего Гарри? — И бедняжка откинулась на спинку кресла, не в силах сдержать судорожные рыдания.

— Продаст Гарри? Какие глупости! Будто ты не знаешь, что твой хозяин не ведет никаких дел с южными работорговцами и не продает своих слуг, разве только тех, которые выходят из повиновения. Ах, дурочка! Да кто захочет купить твоего Гарри? Глупенькая! Сама в нем души не чаешь и думаешь, что все от него в таком же восторге. Ну, перестань плакать и застегни мне платье. Вот так! А теперь уложи мне волосы, заплети их в косы, как я тебя учила, и не смей больше подслушивать под дверями.

— Миссис, а вы не дадите своего согласия, если, если...

— Какой вздор! Разумеется, нет! Что это за разговоры! Ведь не стала бы я продавать своих детей! И твоего тоже не продам. Нет, в самом деле, Элиза, ты уж слишком возомнила о Гарри! Стоит только человеку переступить порог, и тебе уж кажется, что он пришел покупать твоего малыша.

Успокоенная заверениями хозяйки, Элиза ловко и проворно одела ее, посмеиваясь над своими недавними страхами.

Миссис Шелби была женщина незаурядная, наделенная большим умом и сердцем, что не редкость в Кентукки. Доброта и великодушные подкреплялись в ней религиозностью и твердостью убеждений, которым она неукоснительно следовала в жизни. Мистер Шелби, человек безразличный к вопросам